

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.1.4>

Безай Олег Васильевич, Безгин Владимир Борисович

Сельские общества "мятежного" района как участники и некомбатанты Тамбовского восстания 1920-1921 гг.

В статье дан анализ отношения сельских обществ района восстания к повстанческому движению тамбовских крестьян. Установлены факторы, которые определяли позицию местных жителей в вооруженной борьбе с властью. На основе архивного материала выявлены формы воздействия повстанцев на мирное население, а также методы, примененные партийным руководством и военным командованием губернии для подавления крестьянского протеста. Сделан вывод о том, что противоборствующие стороны основывали свои действия на коллективной ответственности и иных традиционных принципах общинного самоуправления.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/1/4.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 1. С. 25-29. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

5. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-1390. Оп. 6.
6. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. Р-299. Оп. 1.
7. ГАСК. Ф. Р-300. Оп. 1.
8. **Иванцов И. Г.** Советские формы «малой автономии». Национальные районы и сельсоветы на Кубани. 1924-1953 гг. (на материалах Кубани и Северного Кавказа). Краснодар: Кавказская типография, 2013. 128 с.
9. **Игнатова М. Е.** Греческий и немецкий (Ванновский) национальные районы Краснодарского края в 20-40-е гг. XX века: дисс. ... к.и.н. Краснодар, 2005. 244 с.
10. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 12. Оп. 1.
11. ЦДНИКК. Ф. 493. Оп. 1.
12. ЦДНИКК. Ф. 656. Оп. 1.
13. ЦДНИКК. Ф. 1415. Оп. 1.
14. ЦДНИКК. Ф. 2662. Оп. 1.
15. ЦДНИКК. Ф. 6560. Оп. 1.
16. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1.
17. ЦДНИРО. Ф. 51. Оп. 1.
18. ЦДНИРО. Ф. 73. Оп. 1.
19. **Цуциев А. А.** Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). М.: Европа, 2006. 128 с.

Specificity of Party Development among Disperse Ethnic Groups of the Don, Kuban and Black Sea Regions in the 1920-1930s

Aver'yanov Anton Viktorovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Southern Federal University, Rostov-on-Don
avaveryanov@sfsedu.ru

The article examines the basic trends and mechanisms of party development among national minorities of the Don, Kuban and Black Sea regions in the 1920-1930s. The author reveals specificity of the process of nominating disperse ethnic groups' representatives for posts in local party bodies. Comparative analysis of this process in the national communities is conducted. It is shown that the national minority regions were among the leaders in terms of party development among disperse ethnic groups. However, even in these regions, party development was relatively slow in comparison with other forms of integration.

Key words and phrases: North Caucasian region; Don region; Kuban region; Black Sea region; disperse ethnic groups; national minorities; party development.

УДК 94(47).084.3

Дата поступления рукописи: 13.11.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.1.4>

В статье дан анализ отношения сельских обществ района восстания к повстанческому движению тамбовских крестьян. Установлены факторы, которые определяли позицию местных жителей в вооруженной борьбе с властью. На основе архивного материала выявлены формы воздействия повстанцев на мирное население, а также методы, примененные партийным руководством и военным командованием губернии для подавления крестьянского протеста. Сделан вывод о том, что противоборствующие стороны основывали свои действия на коллективной ответственности и иных традиционных принципах общинного самоуправления.

Ключевые слова и фразы: Тамбовское восстание; сельские общества; повстанцы; коммунисты; круговая порука; публичные расстрелы; заложники.

Безай Олег Васильевич

Безгин Владимир Борисович, д.и.н., профессор

Тамбовский государственный технический университет
obezay70@mail.ru; vladyka62@mail.ru

Сельские общества «мятежного» района как участники и некомбатанты Тамбовского восстания 1920-1921 гг.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00149 «Феномен “красного” повстанчества в гражданской войне: сопряженность идейных установок, организационных и военных решений (Центральное Черноземье, Поволжье и Южный Урал)».

Актуальность обращения к теме участия сельских обществ в повстанческом движении периода Гражданской войны обусловлена потребностью научного осмысления феномена крестьянских восстаний. Грядущее

столетие начала Тамбовского восстания 1920-1921 гг. является информационным поводом для изучения проблем, еще не нашедших своего исследовательского решения. **Научная новизна** авторского подхода состоит в том, что впервые сельские общества района восстания рассмотрены не только как объекты воздействия со стороны правительственных войск и партизанских отрядов, но и как субъекты, занимавшие разные позиции по отношению к повстанческому движению. **Цель** статьи заключается в установлении причин поддержки сельскими обществами крестьянского восстания 1920-1921 гг., а также мотивов участия в нем местных жителей. Предполагается выяснить характер мер воздействия противоборствующих сторон на мирное население, а также определить факторы, влиявшие на выбор сельскими обществами позиции в вооруженной борьбе.

Причины, побудившие тамбовских крестьян бросить вызов коммунистической власти и взяться за оружие, достаточно хорошо изучены. Однако остается невыясненным вопрос: почему сельские общества одной волости по-разному реагировали на действия противоборствующих сторон? Не вызывает сомнения, что отношение местных жителей к повстанческому движению было обусловлено позицией сельского общества. Она выражалась в различной степени вовлеченности в восстание и варьировалась от активного участия до сочувственного содействия. Ряд сел пытались держать нейтралитет, прибегая к самообороне от тех и других. С началом восстания сторону губернской власти приняло население преимущественно тех мест, где были созданы совхозы и влияние деревенских коммунистов на односельчан было особенно сильным.

Если решение примкнуть к «бандитам» могло стать личным выбором деревенского парня, то для коллективных действий, например создания комитета Союза трудового крестьянства (СТК), формирования повстанческого отряда из числа местных жителей, снабжения восставших продовольствием и фуражом, требовался приговор сельского схода. Силу его решения прекрасно осознавала и та и другая сторона вооруженного конфликта. Как коммунисты, так и партизаны стремились достичь своих целей, используя традиционный для русского села принцип солидарной ответственности.

Отношение сельских сходов к повстанческому движению определялось рядом факторов. Участие крестьян в восстании было обусловлено прежним опытом антиправительственных выступлений как периода революции 1905-1907 гг., так и времени «черного передела» 1917 г. Как правило, жители таких сел в ходе аграрных беспорядков начала XX в. разоряли имения и жгли барские усадьбы, а летом 1917 г. выступили застрельщиками захвата владельческих земель [3]. Катализатором крестьянского протеста стала и демографическая ситуация в селах «мятежного» района. Следует согласиться с утверждением В. Л. Дьячкова о том, что избыток трудоспособного населения «демографических мешков» вел к росту социальной агрессии, проявлявшейся в «политическом бандитизме» [11].

Не выдерживает критики тезис коммунистической пропаганды о том, что социальной основой для возникновения и развития «бандитизма» в губернии послужило кулацкое население «мятежного» района. Изучение социального статуса и материального положения рядовых участников повстанческого движения дает основание утверждать, что беднота составляла большинство в числе восставших, далее шли середняки, а зажиточных крестьян были считанные единицы [4]. Мотивы, побудившие тамбовских мужиков взяться за оружие, следует искать не в их мелкобуржуазном эгоизме, а в сфере общекрестьянских интересов.

Сила крестьянского протеста крестьян зависела от степени поддержки повстанческого движения со стороны местного населения. Вооруженная борьба с правительственными войсками была возможна только при условии постоянного пополнения рядов восставших новыми комбатантами, которые могли быть получены за счет населения «бандитских» сел. По информации уполномоченного 1-го отделения особого отдела Тамбовского ЧК т. Мальчевского в Троицко-Росляйской волости Токаревского района в конце декабря 1920 г. отряды повстанцев формировались исключительно из добровольцев [2, т. 1, л. 142].

С целью привлечения на свою сторону новых сторонников руководство восстания прибегло к агитации, основанной на лозунгах, находивших поддержку у местных жителей. По сведениям Тамбовского ЧК от 8 января 1921 г., по селам разъезжали агитаторы банд по три-четыре человека, собирали сходы, на которых призывали к уничтожению коммунистов и предлагали вступать в партизанские отряды [23, с. 383]. Из текста оперативной сводки за 22 января 1921 г. следует, что «бандиты ежедневно делают собрания и стараются привлечь на свою сторону возможно большее число крестьян» [16, д. 5, л. 24]. Ответом на обращения восставших стали «мирские» приговоры. Так, из протокола общего собрания жителей с. Уварово от 27 января 1921 г. видно, что жители села 2-й половины единогласно выразили сочувствие бандитам [19, д. 217, л. 108]. Сознвая значимость решения схода для односельчан, представители повстанческого движения стремились свои призывы санкционировать его одобрением. Процедура принятия решения была традиционной. На сходе призыв к присоединению голосовался поднятием руки. Если большинство было «за», то избирался повстанческий сельский комитет, состоящий из председателя, товарища председателя, двух секретарей и члена повстанческого штаба [23, с. 384].

Необходимо отметить, что революционная эпоха наложила отпечаток на форму коллективного волеизъявления односельчан. В каждом занятом партизанским отрядом селе первым делом проводился митинг граждан, а по сути – сельский сход. После выступления «антоновского» агитатора участники собрания принимали резолюцию о поддержке восставшего крестьянства и давали обещание «бороться со сворой коммунистов до последней капли крови» [7, д. 1110, л. 125]. По завершении митинга создавали комитет Союза трудового крестьянства (СТК), членом которого избирали из местного населения. В зависимости от обстановки перед ним ставились конкретные задачи: формирование отряда, поломка железнодорожной линии или сбор обмундирования для партизан [12, с. 173].

Участие сельских обществ в восстании выразилось не только в пополнении рядов повстанческих отрядов бойцами, но и в активной помощи местных жителей партизанам в ходе боевых действий. Из оперативно-разведывательной сводки штаба ВНУС от 9 января 1921 г. узнаем, что «все районы бандитами разбиты на участки, между которыми поддерживается связь посредством конных разведчиков. Села охраняются местными жителями, выставляющими днем и ночью сторожевые посты» [16, д. 5, л. 10]. 24 января 1921 г., когда десант бронепоезда № 1 под прикрытием артиллерийского огня атаковал банду в 150 чел., занимавшую с. Алешки, наряду с повстанцами участие в бою принимали жители данного села [Там же, л. 27]. По данным штаба 2-го боевого участка (БУЧа) от 4 марта 1921 г., в районе совхоза Громок была обнаружена разведка повстанцев, около 30 всадников. В ходе преследования противника в районе д. Отрепьевки завязался бой, в котором «банде» помогли местные жители села [17, д. 77, л. 34]. В оперативной сводке штаба 46-й бригады от 20 мая 1921 г. сообщалось, что в районе с. Двойня и примыкающих к нему селах с юго-востока преобладает настроение явно антисоветское. Оно выражалось в активном участии в различных выступлениях банд, укрывательстве бандитов, отказе давать какие-либо сведения о бандитах, предупреждении бандитов о появлении наших частей и убийстве отдельно попавших в этот район лиц военнослужащих Красной Армии [19, д. 229, л. 9]. Штаб 6-го БУЧа в телефонограмме № 292 от 30 августа 1921 г. информировал губернское руководство о том, что «жители с. Ярославка Золотовского подрайона склонны к укрыванию бандитов и сообщению последним о приходе и уходе красных войск» [21, д. 32, л. 40].

В начале восстания содействие сельских обществ повстанцам выразилось в выдаче местных коммунистов. Так, по сообщению Золотовского волостного комитета РКП(б) от 12 октября 1920 г., на основе приговоров сельских сходов 6 коммунистов этой организации «были предательски преданы в руки бандитов Болотинским, Серебрянским, Федоровским и Лукинским обществами» [5, д. 412, л. 211]. Помощь местного населения партизанам оказывалась в снабжении их продовольствием и фуражом, предоставлении им лошадей и подвод, хранении оружия и боеприпасов, лечении больных и уходе за ранеными [2, т. 2, л. 56; 5, д. 591, л. 113]. По признанию пленного партизана М. Г. Шинкина, полученному в ходе допроса 30 декабря 1920 г., «во время его пребывания в банде продукты получали от крестьян» [18, д. 43, л. 53]. Из протокола от 7 января 1921 г. допроса обвиняемого в бандитизме крестьянина Бросалина Василия Дмитриевича явствует, что «обоз банды состоял из 40 подвод местных крестьян, в которых находилось продовольствие, фураж и патроны» [Там же, л. 68].

Сохранялась действенность и пассивных форм сопротивления коммунистическому режиму. Крестьяне саботировали попытки районных революционных комитетов (райревкомов) созвать в селах общие собрания граждан с целью провести через них угодные для власти решения. Так, в сводке от 25 мая 1921 г. заместитель председателя политической комиссии 2-го БУЧа т. Чайковский сообщал, что в с. Верхне-Спасском был созван сход крестьян, который не состоялся по причине неявки граждан [10, д. 30, л. 4]. Таким образом, отказываясь принимать участие в сходах, организуемых чрезвычайными органами коммунистической власти, крестьяне демонстрировали свое отношение к действиям оккупационных властей.

Часть сельских обществ района восстания заняла нейтральную позицию, пытаясь не участвовать в возникшем противостоянии. По утверждению исследователя Тамбовского восстания В. В. Самошкина, «в таких селах крестьяне создавали свои собственные, вооруженные чем попало отряды самообороны, которые старались в меру их скромных возможностей не пускать к себе ни красных, ни антоновцев» [22, с. 56]. Из доклада секретного осведомителя в военный отдел Инжавинского райревкома от 7 июня 1921 г. следует, что на территории района для успешной борьбы с бандитами организована самоохрانا из местных жителей [8, д. 6, л. 96 об.].

Партийное руководство и военное командование вооруженными силами Тамбовской губернии с целью подавления крестьянского восстания прибегли к методу оккупации «мятежных» районов, а к их населению применили репрессивные меры. Они были основаны на коллективной ответственности – принципе, традиционном для крестьянского самоуправления. В протоколе № 12 объединенного заседания президиумов губкома РКП(б) и губисполкома от 19 января 1921 г. по вопросу «О мерах подавления восстания» было записано, что «оккупационные части ставят своей целью установления круговой поруки за все проявления бандитизма; при повторном проявлении бандитизма в оккупированных местностях производить изоляцию взрослого мужского населения от 17 до 50 лет» [15, д. 999, л. 103]. Приказом № 130 от 12 мая 1921 г. семьи добровольно не сдавшихся бандитов подвергались аресту, конфискации имущества и высылке в отдаленные края РСФСР [14, с. 163]. Приказ Полномочной комиссии ВЦИК № 171 от 11 июня 1921 г. требовал расстреливать старшего работника в семье, хранящей оружие, укрывавшей бандита или его родных [10, д. 5, л. 45]. Власть прекрасно сознавала всю глубину трагизма возникавшей для крестьян дилеммы. Так, ответственный районный организатор уездного комитета партии (укомпарта) Оржевского района т. Г. Н. Елизаров, выступая на заседании волостного комитета РКП(б), говорил: «Вполне допуская возможность, что если некоторые граждане и хотели укрыть бандитов, то принимая во внимание приказ № 171 и зная какие последствия могут быть за укрывательство, они невольно, быть может, против своего желания, выдают их» [7, д. 1, л. 10 – 10 об.].

В ходе борьбы с повстанцами части Красной Армии применяли в занятых ими селах практику публичных расстрелов партизан. Прилюдная казнь восставших производилась с целью запугать местное население, продемонстрировать ему решимость действий власти. Подтверждение тому – документы командования воинских частей и руководства чрезвычайных органов боевых участков. Из отчета Лысогорского райревкома за период с 5 июня по 5 июля 1921 г. следует, что в с. Горелом особым отделом захвачен 21 бандит, которые были расстреляны на общем собрании граждан этого села [10, д. 31, л. 522]. К захвату заложников из числа местных жителей и их расстрелу красные части прибегали в случае отказа общества выдать односельчан,

участников восстания, или сдать оружие, имеющееся на руках населения. Так, из содержания политической сводки (политсводки) 1-го стрелкового полка бригады Заволжского военного округа (ЗВО) от 25 июля 1921 г. следует, что «10 июля 1921 г. состоялось собрание крестьян в с. Нижне-Спасском, где пришлось расстрелять 13 чел. заложников; в с. Грязницах проведено собрание крестьян, но только после расстрела 15 заложников местные жители начали сдавать оружие; в с. Верхне-Спасском лишь после расстрела нескольких бандитов крестьянами было выдано 4 винтовки, 2 шашки и одно седло» [20, д. 22, л. 13 об.]. Из содержания политсводки № 401 от 12 июля 1921 г. узнаем, что в Золотовской волости расстрелян председатель сельского ревкома за укрывательство бандитов и дачу неверных сведений [21, д. 49, л. 200]. 24 июля 1921 г. на сходе с. Никольское были публично расстреляны 3 крестьянина: один – за сокрытие оружия, другой – за укрывательство брата бандита, третий – как отец бандита [10, д. 60, л. 74]. В ходе оккупации Куньевской волости 25 июля 1921 г. при участии районной политической комиссии (райполиткомиссии) было проведено повальное собрание мужчин в возрасте от 18 до 50 лет. На этом так называемом собрании были выявлены 8 бандитов, которых расстреляли на глазах присутствующих крестьян [Там же, л. 107].

Жестокость репрессии приносила правительственным войскам ожидаемый результат. Так, 28 июня 1921 г. в с. Кривополянье красноармейским отрядом было арестовано все мужское население села в возрасте от 15 до 60 лет. На предложение сообщить сведения о бандитах последовал категорический отказ. Только после расстрела 14 местных жителей собранием был выдан палач Антонова, который был тут же расстрелян [Там же, д. 30, л. 37]. Из сводки Рассказовского ревкома от 8 июля 1921 г. об операции в с. Нижне-Спасском следует, что «на выдачу бандитов, их семей и складов оружия было дано 2 часа. Но этот срок прошел и не нарушил скрытности населения. И только когда на глазах всей сходки расстреляли пять человек, крестьяне зашевелились, пошли обещания выдачи бандитов, их семей, поддержки Соввласти» [Там же, д. 49, л. 93]. Таким образом, реакцией на ультиматум карателей было непростое решение сельских обществ. При всей симпатии к повстанцам, сельские сходы не могли допустить вопиющей несправедливости, смерти ни в чем не повинных людей. В этом и заключался циничный расчет коммунистической власти.

В ряде случаев авторитет сельского схода партийное руководство и военное командование губернии пытались использовать для того, чтобы убедить односельчан, находившихся в повстанческих отрядах, сложить оружие и добровольно сдаться властям. В газете «Красноармеец» от 21 мая 1921 г. сообщалось, что в Тамбовском уезде бандиты сдаются по приговору своих сел [13]. Сход крестьян д. Ивановка-Лебедеянка 19 июня 1921 г. принял решение направить Владимира Егоровича Иванникова в распоряжение 13-го Битюгского полка для переговоров о добровольной явке партизан [10, д. 68, л. 34 об.].

Однако не все сельские общества спешили оказать помощь власти в мерах по обезвреживанию бандитских отрядов. Так, в политсводке Верхоценского волревкома от 9 июля 1921 г. сообщалось, что «население продолжает упорствовать и не оказывает никакого содействия по изъятию бандитов» [Там же, д. 15, л. 13]. О тщетности усилий власти принудить сельские сходы к выдаче местных жителей, участников вооруженных формирований, свидетельствуют факты. Согласно сведениям о числе выданных бандитов, повстанцы, переданные в руки властей самими крестьянами, составляли не более 1,5% [12, с. 219]. Это еще одно проявление крепости общинных устоев тамбовского села. Против семейных и общинных связей крестьян в то время пойти не мог – в деревне сохранялась традиция круговой поруки. Можно утверждать то, что борьба крестьян за свои интересы и в годы Гражданской войны была продолжением «общинной революции».

Перемена отношения местных жителей к действиям партизан стала особенно заметна с начала лета 1921 г. – времени, когда правительственные войска добились значительных успехов в борьбе с бандитизмом. Под воздействием волны непрекращающихся репрессий, натиска военной мощи регулярных частей РККА и руководствуясь целью самосохранения, сельские общества «бандитских» сел были вынуждены капитулировать перед властью, а в ряде мест и пойти на сотрудничество с ней. Это выразилось в том, что набирать добровольцев даже в «надежных» селах повстанцам становилось труднее. Все чаще эмиссарам Антонова приходилось общаться с сельским сходом на языке угроз. Так, 7 июня 1921 г. в с. Зверевка Нижне-Спасской волости Кирсановского уезда состоялось собрание местных граждан. На нем агитатор призвал крестьян добровольно вступать в ряды повстанцев, в противном случае он грозил проведением мобилизации всех мужчин в возрасте от 18 до 40 лет [10, д. 30, л. 16]. А в с. Малая Талинка, по информации Рассказовского райревкома от 5 июля 1921 г., «бандиты угрожают крестьянам, и говорят, что если они не пойдут с бандой, то село будет сожжено, а все коровы взяты из стада» [Там же, д. 48, л. 78].

На этапе подавления крестьянского восстания отдельные сельские общества принимали активное участие в мероприятиях по прочесыванию леса и задержанию «бандитов». По сообщению Черняновского волревкома Тамбовского уезда, «9 июля 1921 г. производилась облава лесов крестьянами с. Чекмари и с. Новой Слободки, численностью в 520 человек, вооруженных топорами и вилами» [9, д. 2505, л. 45]. Из документов известны случаи, когда крестьяне осуществляли самосуд над односельчанами, членами партизанских отрядов. Так, в Лысогорской волости Тамбовского уезда из 24 задержанных в ходе облавы бандитов 6 человек было расстреляно особым отделом, а 18 – местными гражданами [10, д. 31, л. 522].

Почувствовав изменение позиции мирного населения в отношении восстания, губернская власть сделала все, чтобы закрепить и расширить действие этой тенденции. В селах прошла череда общих собраний граждан, на которых с подачи ответственных работников принимались решения с осуждением бандитизма. Например, 31 июля 1921 г. в с. Полковая слобода Горельской волости Тамбовского уезда состоялось общее собрание граждан в количестве 407 человек. В протоколе было записано, что присутствующие «дают слово

боротся с остатками бандитизма до полного его искоренения» [9, д. 321, л. 24]. Из протокола общего собрания граждан с. Иноковка Кирсановского уезда 19 июня 1921 г. узнаем, что 350 присутствующих крестьян выразили желание «принять самое деятельное участие в борьбе с бандитизмом путем организации вольных боевых дружин и тайных выдач бандитов» [18, д. 44, л. 1 – 1 об.]. Протоколы таких собраний написаны по шаблону, что ставит под сомнение «искренность» таких коллективных решений.

В результате проведенного исследования получены следующие **выводы**. Анализ степени вовлеченности крестьян «мятежных» районов в восстание дает основание утверждать, что решение примкнуть к нему и выбор формы содействия партизанам зависели от приговора сельского схода. Поддержка местным населением лозунгов и действий повстанческих отрядов была обусловлена тем, что они выражали общекрестьянские интересы и чаяния жителей села в целом. Крестьянский протест носил антикоммунистический характер и основывался на принципе солидарной ответственности. Подавление восстания осуществлялось как посредством физического уничтожения комбатантов, так и путем осуществления репрессивных мер в отношении крестьянских общин. Взятием заложников и практикой публичных расстрелов власть преследовала цель подорвать единство сельского «мира», побудить его к выдаче местных партизан ради сохранения жизни ни в чем не повинных односельчан. Противник применил против крестьян их же принцип круговой поруки. Авторитет схода был использован для проведения кампании по добровольной явке «бандитов» и сдаче местным населением оружия. Переход сельских обществ от поддержки восстания к сотрудничеству с властью был продиктован присущей крестьянству «стратегией выживания».

Список источников

1. «Антоновщина»: крестьянское восстание в Тамбовской области в 1921-1921 гг.: документы, материалы, воспоминания / сост. В. П. Данилов и др. Тамбов: Упр. культуры и архивного дела Тамбовской обл., 2007. 800 с.
2. Архив Управления Федеральной службы безопасности по Тамбовской области. Д. С-207.
3. Безгин В. Б. Погромное движение 1905-1907 гг. и повстанчество 1920-1922 гг. тамбовского крестьянства: общее и отличие // История: факты и символы. 2017. № 12. Вып. 3. С. 20-27.
4. Безгин В. Б. Социальный облик и участие крестьянских повстанцев (по материалам фондов Государственного архива Тамбовской области) // Вестник архивиста. 2019. № 3. С. 685-699.
5. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. П-837. Оп. 1.
6. ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1.
7. ГАСПИТО. Ф. П-1986. Оп. 1.
8. ГАСПИТО. Ф. П-9202. Оп. 1.
9. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-49. Оп. 1.
10. ГАТО. Ф. Р-4049. Оп. 1.
11. Дьячков В. Л. Природно- и социально-демографические факторы роста крестьянской агрессии в первой трети XX в. (Тамбовский случай) // История и современность. 2014. № 1 (19). С. 128-141.
12. Иванов Д. П. Предпосылки и мотивы участия крестьян в тамбовском восстании 1920-1921 гг.: микроисторический подход: дисс. ... к.и.н. Тамбов, 2009. 284 с.
13. Красноармеец. Орган политического отдела армии Тамбовской губернии. 1921. № 1. 21 мая.
14. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг.: «Антоновщина»: документы и материалы / Интерцентр; Гос. архив Тамб. обл.; сост. В. Данилов и др. Тамбов: Ред.-изд. отд.; Междисциплинар. акад. центр социал. наук, 1994. 334 с.
15. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 13.
16. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 7. Оп. 4.
17. РГВА. Ф. 451. Оп. 1.
18. РГВА. Ф. 633. Оп. 1.
19. РГВА. Ф. 7709. Оп. 2.
20. РГВА. Ф. 34225. Оп. 1.
21. РГВА. Ф. 34228. Оп. 1.
22. Самошкин В. В. Антоновское восстание. М.: Русский путь, 2005. 359 с.
23. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939: документы и материалы: в 4-х т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1. 1918-1922 гг. 864 с.

Rural Communities of “Rebellious” Region as Participants and Non-Combatants of Tambov Rebellion of 1920-1921

Bezai Oleg Vasil'evich
Bezgin Vladimir Borisovich, Doctor in History, Professor
Tambov State Technical University
obezay70@mail.ru; vladyka62@mail.ru

The article analyses the attitude of rural communities of a “rebellious” region to rebellious movement of Tambov peasants. The factors determining the local residents’ position in the armed struggle with the powers are revealed. Relying on archival materials, the authors identify the methods the rebels used to influence the non-combatants and describe the measures taken by the party leadership and the province military command to suppress the peasant uprising. The conclusion is made that the opposing parties were guided by the principle of collective responsibility and other traditional principles of communal self-government.

Key words and phrases: Tambov rebellion; rural communities; rebels; Communists; mutual responsibility; public executions; hostages.